

Двадцатое июля, разгар сезона слив-мэюй.

В заброшенном многоэтажном здании — душном, скрытом от посторонних глаз, сыром и источающем зловонный запах гнили — Ли Чу лежал неподвижно, как мертвец. Его сердце превратилось в пепел, в глазах зияла пустота, а зрачки отражали глубочайшую безысходность.

Он казался совершенно потерявшим надежду на окружающий мир и тупо смотрел в потолок.

Ли Чу слышал их обрывочные разговоры.

Он ведь редкий экземпляр. Как только придет Брат Цзян, мы все сможем отвлечься.

Редкий экземпляр?

Инструмент, созданный специально для того, чтобы согревать постель мужчинам.

Слова, долетавшие до него, вонзались в тело тысячами острых игл.

На мгновение Ли Чу показалось, что перед глазами все заволгло туманом, погрузившись во тьму.

Пока лианы не оплели всё заброшенное здание и лучи света не пробились сквозь щели между ними, падая на щеку Ли Чу.

Ли Чу уже и не помнил, когда в последний раз теплое солнце согревало его лицо.

Для него ласковое солнце было непозволительной роскошью, несбыточной мечтой, до которой невозможно дотянуться.

Свет заслонили, вокруг сгустилась тень. Фигура, стоявшая спиной к солнцу, отбросила тень на тело Ли Чу, и несколько лиц постепенно проступили отчетливей.

Зрачки Ли Чу, испещренные красными прожилками, суеверно расширились от ужаса, он с трудом сглотнул, а по щеке скользнула тень страха.

Однако это длилось всего лишь секунду — Ли Чу давным-давно был приучен к окружающей обстановке и утратил способность сопротивляться.

Его запястье прижали холодной, твердой и усеянной мелкими зубцами подошвой ботинка, перенеся на него всю тяжесть тела.

Кости сместились с громким и отчетливым хрустом, лишая его возможности пошевелиться.

Чудовищная тяжесть прижала Ли Чу к земле, заставляя покрываться холодным потом.

Но он не боролся и не оказывал ни малейшего сопротивления.

Позволяя им глумиться над его телом.

Воздух вокруг был спертым и тяжелым, проникая в дыхательные пути Ли Чу и на мгновение вызывая у него одышку.

ТЬФУ!

Один из тех, кто стоял, выйдя из тени, наотмашь сплюнул прямо на руку Ли Чу. Желтоватая отвратительная слизь прилипла к его ладони.

Впрочем, Ли Чу это совершенно не волновало.

Лицо Ли Чу сплошь покрывало запекшееся месиво из крови, а во рту отчетливо ощущался густой привкус железа.

Сломанные ребра терзали нервы, от боли у Ли Чу стучали зубы, и он сжался в комок на ледяном, промерзшем полу.

Единственным его постоянным спутником на протяжении многих лет был этот холодный пол.

Боль парализовала нервы, взгляд Ли Чу стал безразличным, тело онемело, а хриплый, издевательский смех пронзительно и гулко разносился по пустому безмолвному зданию.

Черт побери, кто тебе разрешал смеяться?

Какого черта, еще смеешься? Забью до смерти!

Вдоволь выплеснув накопившуюся злость, они стояли обливаясь потом, тяжело дыша и бросая насмешливые реплики.

Твоя никчемная жизнь стоит чего-то лишь благодаря твоему измочаленному и сгнившему заду.

Ха, да теперь, пожалуй, даже бесплатно никто не возьмет!

Ли Чу слабо улыбнулся, но в его глазах промелькнул зловещий, леденящий душу холод, а издевательский смех продолжал кружить по комнате, смешиваясь со слезами на глазах.

Холодные слезы покатались по щекам Ли Чу, смешиваясь с кровью и капля за каплей падая на землю.

Над заброшенным зданием прокатилась новая волна злорадного хохота, со всех сторон послышались подначки, и палящие взгляды устремились на Ли Чу.

Взгляд Ли Чу потускнел, а слезы настигли уголки глаз и намочили ресницы.

Ли Чу не раз горько жалел, что еще в трехлетнем возрасте не последовал вслед за умершим дедушкой, покинув этот холодный мир.

Он бесчисленное количество раз мечтал мирно уйти из жизни, чтобы составить компанию одинокому дедушке.

Но небеса сжалились над ним, оставив в живых, лишь для того, чтобы подвергнуть бесчисленным мучениям, и не проявили к нему ни капли милосердия.

Ли Чу лишь молил небеса смилостивиться и позволить ему тихо и спокойно прожить оставток дней.

Вокруг заброшенного здания раздавался лишь шелест ветра, раскачивающего побеги лиан.

Ли Чу знал, что вокруг не было ни души.

Они загнали его в угол, принуждая заниматься самой отвратительной мерзостью на свете.

Ли Чу давным-давно потерял всякую надежду на что-либо, он барахтался на самом дне топи.

Из которой ему было не выбраться до конца дней.

Он был лишь игрушкой в чужих руках, игрушкой от начала и до конца.

Зрачки Ли Чу расширились, взгляд остекленел, и он молча сносил невыносимую боль, от которой кости стирались в порошок.

Горячие и обжигающие слезы проложили кровавые дорожки.

В полумраке комнаты смешались запахи гниения и сырости, неотступно заполняя ноздри Ли Чу.

Боль нещадно терзала мозг, тело больше не могло выдерживать запредельных мук, и когда Ли Чу уже собирался потерять сознание и закрыть глаза, его взгляд уловил ослепительную вспышку света.

Это был вовсе не свет надежды — это была та самая бездна, затягивавшая его в трясину и водоворот, где он продолжал мучительно и безуспешно барахтаться в попытках спастись.

Он жил в полумраке и сырости, давно прирученный и лишенный воли к сопротивлению.

Ли Чу знал, что его судьба никогда не будет принадлежать ему самому, он не властен над ней.

Брат Цзян, ты наконец-то пришел! Это новая игрушка, которую мы недавно раздобыли.

С этими словами он несколько раз с силой пнул Ли Чу в кровоточащую рану.

Кстати, Брат Цзян, способности этой новой игрушки куда шире.

Говорят, он умеет похищать человеческие души и может подарить ощущение полной невесомости.

Цзян Го не удостоил его ответом.

Холодный, с суровым и пронзительным взглядом, исполненный презрения и высокомерия, он молча зашагал прямо навстречу Ли Чу.

Цзян Го небрежно подхватил сбоку бутылку ледяной воды, открутил крышку и, не говоря ни слова, принялся поливать прямо на макушку Ли Чу.

Ледяная вода струйками побежала по рваным ранам, и Ли Чу невольно сдавленно зашипел: С-с-с...

Его тело непроизвольно задрожало, стужа пронзила мозг, заставляя Ли Чу мгновенно прийти в себя и распахнуть глаза.

Реакция Ли Чу на холод доставила Цзян Го крайнее удовлетворение, пробудив в нем праздный интерес.

На его губах заиграла легкая улыбка, и он с высоты своего роста заглянул в глаза Ли Чу.

Он никогда не играл по правилам.

Сократив расстояние между ними, он одной рукой провел по краю одежды Ли Чу, а в его бездонных глазах таилось нечто непостижимое.

Помедлив мгновение, он с безмятежным выражением лица задал риторический вопрос:

Правда что ли?

Не прошло и секунды.

Словно бросив грязный мяч, он тут же беспечно разжал пальцев.

Тело Ли Чу, повисшее в воздухе, мгновенно потеряло равновесие и рухнуло на землю.

На него накатила волна боли от разорванных ребер; стиснув зубы и сжав челюсти, Ли Чу изо всех сил терпел муки, понунив голову.

Его глаза застилали слезы.

Увидев поверженного на землю Ли Чу, Цзян Го равнодушно скривил губы.

Затем он скосил глаза на стоявших рядом людей, окинул их холодным, безучастным взглядом и бросил бесцветным, лишенным всяких эмоций голосом:

Тогда покажите всё, на что он способен.

<http://bllate.org/book/22343/2340949>